

Моя трудовая американская биография началась, когда мне уже было за тридцать.

Только что родился сын, и нужно было пополнять бюджет семьи. Да и возиться дома с кричащим круглосуточно младенцем не очень-то хотелось. Жена находилась в послеродовой депрессии и занималась собой и ребенком. К тому же, говорил я себе, не отдыхать же сюда приехал.

В стране, из которой недавно иммигрировал, к тридцати своим годам отработал последних десять лет. Занимал не последнее место в своей профессии журналиста. Надеюсь, не в силу чьей-то помощи.

Обзавелся полезными связями и знакомствами. Помогая кому-то пристроить «очень умного джигита» или «талантливую девчонку», я свято соблюдал главный постулат позднего социализма: ты — мне, я — тебе.

Этот принцип пережил и социализм, и дикий рынок, последовавший за ним. Обычно услуги возвращались ко мне добром, так как помогая кому-то, я знал, что когда-нибудь помогут и мне. Так и происходило.

Здесь же, в Америке, мои иллюзорные надежды на подобное существование разбились вдребезги сразу по приезду. Хоть и говорили, что чем-то канувший в Лету Союз и Штаты были похожи, я категорически это отрицаю. Нет, не были мы похожи ничем!

Первые месяца два я просто просидел дома, фигурально вися у работающей жены-американки на шее. Отец ее, мой тесть, тогда работал перед выходом на пенсию, был на подъеме, занимая высокий пост вице-президента большой железнодорожной компании.

Однако, ни он, ни жена моя о том, чтобы помочь мне с трудоустройством, никогда не заикались. Как говорится, зять — любит взять.

Старые знакомые-иммигранты, наоборот, всячески подкалывали меня тем, что «тебя-то с женой-госслужащей проблем с работой не будет!». Что действовало на меня, измученного бездельем, безденежьем и безработицей, до того угнетающе, что я все эти отношения прекратил.

В одну из бессонных ночей меня осенило: не принято у них, американцев, помогать друг другу, будь ты родственник, жених или самый лучший друг! Как это принято у нас: русских, казахов, украинцев, узбеков и других жителей бывшего СССР.

Когда жена рассказала, что отец ее, свою родную дочь, даже на бесплатную стажировку в компанию отказался взять после университета, моя уверенность еще раз подтвердилась. В стране победившего капитализма — каждый сам за себя. Без всяких исключений. Это была моя первая усвоенная здесь истина.

Вскоре, еще не приступая к общественно-полезному труду, я выяснил для себя и вторую, тоже очень важную деталь. Все прошлые регалии, звания, медали и должно сти здесь никого не интересуют. Это работает и в отношении наших иммигрантов, за очень редким исключением.

Если ваша фамилия не Шостакович, Бродский или Солженицын, то придется начинать на той же стартовой площадке, где начинают все выпускники американских средних школ.

Я не раз убеждался, как параллельно мы, иммигранты, и американские вчерашние старшешколяки идем по жизни на пути к щедро рекламируемой мечте ноздря в ноздю.

Даже сидим в одних очередях за получением номеров социального страхования, пособий по безработице, водительских прав и т.д.

— Русские? Наши лучшие клиенты! — улыбкой встретила меня пожилая сотрудница офиса социального страхования. Истолковав мой взгляд как немой вопрос, начала объяснять, разгибая (а не загибая пальцы, как у нас), перечисляя:

— Русские всегда приходят на интервью за полчаса до назначенного времени и никогда не опаздывают.

— Приносят все необходимые документы и даже больше, чем надо,— продолжила она.— Наши то, местные, обязательно какую-нибудь бумажку да забудут. Да и заполнены у вас все формы аккуратненько.

— И наконец,— сотрудница местного собеса разогнула последний палец,— вы всегда такие вежливые и никогда не спорите с властями. Ну просто идеальные клиенты! — лучезарной улыбкой опять одарила она, выписывая мне номер социального страхования.

Знала бы эта дружелюбная американка, какие огонь, воду и медные трубы прошли мы все в Союзе, в разных ЖЭКах и ОВИРах. Когда из-за одной неправильно поставленной подписи или запятой советские чиновники заставляли нас снова и снова заполнять бумажки.

II

Мое первое место американской работы — безо всякой протекции — состоялось в местном баре с символическим названием «Последний шанс» (The Last Chance). С исключением того, что для меня это был шанс первый. И работали вместе со мной немало выпускников средних школ.

Позиция официанта или посудомойщика-уборщика посуды (dishwasher/busboy — К.Е.) — наиболее распространенная среди молодых американцев стартовая ступенька будущей карьеры. Ничего зазорного не видят будущие юристы, адвокаты и президенты в том, чтобы по вечерам, несколько дней в неделю, таскать коробку с грязной посудой на кухню, загружать ее в посудомойку и вытирать оставшиеся за кем-то пивные остатки на потёртых столах.

Никаких рекомендаций и интервью для такой работы не требуется. Хозяин заведения посмотрит на тебя мимоходом, перемолвится парой слов и быстро определит, подходишь ты ему или нет. Часто объявления о том, что требуется официант или по-

судомойка печатаются в местной газете или наклеены прямо на дверях бара или ресторана.

В конце 90-х с работой в США не было проблем, как сейчас. Особенно с малоквалифицированной и малооплачиваемой. Экономика США была на подъеме и малый бизнес, включая ресторанный, процветал вовсю.

В то время подсобные рабочие и прочие любители физического труда необходимы были во многих барах, ресторанах и магазинах. Можно было зайти буквально с улицы и через час уже получить работу.

Хотя редко кто оставался здесь больше года, а тем более двух. Студентам почасовая, пусть даже минимальная оплата, а особенно чаевые (не подотчетные налоговой инспекции) очень помогали платить за аренду жилья и машины. Были и такие, кто из официанта вырастал до должности менеджера по залу, а то и получал свою долю в бизнесе, оставаясь надолго и зарабатывая уже гораздо более серьезные деньги.

Последний пункт ко мне не относился совсем. Да и для позиции официанта был я немного староват и недостаточно хорошо владел английским языком. Клиенты, особенно подвыпившие, говорили невнятно, а исполнения ожидали сиюминутного. Что поделать, клиент всегда прав.

Определили меня на кухню в посудомойки и уборщиком столов. Работа не пыльная. Но мокрая и пахучая. Пожилой черный мужик, по имени Вес (от Wesley,— К.Е.), весь в татуировках, с бритым наголо черепом и постоянно курящий ментоловый Cool, научил меня в два приема загружать машину и правильно убирать столы.

На мой вопрос он объяснил, что неубранный или плохо, наспех убранный стол не отдадут новым клиентам. А значит, создадутся очереди и «патроны», как их еще называют, будут раздражаться. И кто знает, может не придут сюда опять. Что есть худшая новость для любого хозяина подобных заведений. А потому убрать стол от посуды и объедков и привести его в товарный вид необходимо как можно скорее. И правильно.

— Если хочешь знать, это даже искусство,— поучал меня Вес, укладывая в аккуратные ряды грязные стаканы, ложки и тарелки.— Поверь, ты не хочешь грохнуться где-нибудь в зале с этой коробкой и побить все тарелки. Так у тебя и зарплаты не хватит рассчитаться.

— Да и лучше сделать один-два похода на кухню и загрузить ящик правильно! Искусству загружать машину и коробки с грязной посудой я научился за неделю. Еще одна ушла на умение балансировать с коробкой, набитой посудой в переполненном зале.

А уже в начале третьей недели Вес милостиво оставлял меня одного в посудомоечной, отправляясь на продолжительные перекуры.

Работал я не полный рабочий день (т.н. part time,— К.Е.), обычно с шести вечера до двух-трех часов ночи. Платили мне минимальную заработную плату, меньше шести долларов в час. Еще двадцатку-другую я получал чаевыми. Вернее, получали их официанты, работающие со мной в смену, а потом делились в отношении три к одному. То есть, себе брали три-четыре доллара из пяти, оставляя мне один-два.

Во времена больших пивных праздников или футбольных матчей народ в бар валил без передышки. В те вечера моя выручка достигала тридцати-сорока долларов за смену. Что до сих пор считается очень неплохим заработком. Те же официанты делали на столах своих постоянных клиентов за вечер сотню баксов, а то и больше. Но им нужно было и поговорить с клиентами, посмеяться и т.д. Я же молча прибежал к опустевшему столу, быстро загружал коробку несвежей посудой, вытирал стол насухо и так же быстро исчезал на кухне. Все мои контакты с клиентами сводились к нулю.

Постепенно, несмотря на ломоту в теле и общую усталость, я в ночную жизнь втянулся. Однако, тут начались размолвки дома. Какой супруге понравится, когда

муж, он же и молодой отец, приходит с работы далеко за полночь, мокрый и вонючий от вытертого за вечер пива! И не только вытертого.

В качестве бонуса каждому из официантов, поваров и посудомойщиков полагался один бесплатный «дринк» после окончания работы. Так и сидели мы еще полчаса после закрытия, потягивая какой-нибудь «Blue Moon» или «Miller Light».

Можно было выпить и больше, но уже за свои. Поэтому, чтобы не спиться совсем и не разрушить молодую семью в самом ее начале, я работу в том баре скоро оставил. Пройдя свое «боевое» крещение пивом и чаевыми.

III

Подобные интеллектуальные работы, типа грузчика в вино-водочном или кассира-распаковщика в свечном магазине, длились недолго, так как обе достались как временные, пока постоянные работники болели или догуливали отпуска.

В свечном магазине я даже научился выбивать чеки на кассе и правильно давать сдачу покупателям (cash register — К.Е.). Немного интереснее, чем таскать тяжести до одури. Но запах свечей всех сортов и размеров доводил до тошноты и головокружения.

Вся одежда моя, и не только рабочая, пропиталась насквозь сладковатым запахом декоративных свечей, несмотря на ежедневную стирку. Вскоре запах стал преследовать меня повсюду, даже во сне, и я был рад, когда вышел из отпуска работник, которого я замещал.

К тому времени, продолжая свое заочное соревнование с американскими старшеклассниками, я усвоил еще один урок местного трудоустройства. Только низкие по оплате должности можно было получить, что говорится, с улицы. Если желаешь работу почище, в офисе и за более высокую плату, то необходимо освоить более «научный» подход.

В первую очередь, составить резюме или краткую производственную характеристику для потенциального работодателя. Неплохо бы и тесты кое-какие пройти, например, количество печатных знаков в минуту на машинке или компьютере, знание офисных компьютерных программ (Microsoft Word, Excel и т.д.— К.Е), знание английского языка (TOEFL,— К.Е.) и прочие навыки.

Такую помощь мне могли оказать только в одном величайшем изобретении капитализма — временном агентстве по трудоустройству (Temporary Agencies или Temp. Agency — К.Е.), которые есть в каждом населенном пункте США. Рассчитаны они как раз на вчерашних выпускников школ, студентов вузов, вышедших из декрета женщин и недавних иммигрантов типа меня.

Хотя с первой попытки получилось не так уж просто. Вернее, совсем не получилось. Хозяйка агентства — совсем молодая девчонка, много младше меня, тем не менее очень неодобрительно просмотрела мои компьютерные и печатные тесты и лишь обещала позвонить. Если кто-нибудь заинтересуется.

Во втором агентстве меня ожидал, как говорят любители азартных игр, джек-пот. Мой ангел-хранитель, белокурая женщина по имени Мелба, не только помогла мне с составлением резюме, пока коротким, но даже отпечатала несколько экземпляров для меня и будущих работодателей.

Она же обещала связаться с коллегой из такого же агентства в неподалеку лежащем городке и узнать, нет ли чего-нибудь для меня там. На многое я не претендовал, но все-таки офисный опыт у меня кое-какой был. Тем более искали работника на неделю.

— Всякое может быть,— обнадеживала меня Мелба,— я сама на этой работе уже пятнадцать лет, а пришла так же, как ты сегодня, как временный работник.

После долгих ожиданий мне предложили место в офисе по аренде квартир. Там как раз подыскивали человека, способного внятно отвечать по телефону и на своей машине покатать по комплексу и показать потенциальным арендаторам их будущую обитель. Искали предпочтительно девушку или женщину, но на худой конец готовы были взять и меня.

— Постарайся понравиться и закрепиться,— подбадривала Мелба,— а потом они тебя сами найдут.

Платили в офисе в два раза больше, чем в баре, и в три - в свечном магазине. Да и к рубашке с галстуком я более привычен, чем к фартуку продавца или резиновым рукавицам мойщика посуды.

Так что, вроде, по этой отвесной лестнице я поднялся на одну ступеньку выше.

IV

В конце дня меня отозвала в сторону помощник менеджера квартирного комплекса Сесилия, чернокожая американка лет сорока пяти, с копной жестких волос («а ля Джаннет Джэксон»).

— Слушай, парень,— заговорщически понизила голос она,— ты, давай, поосторожнее, ОК?

За что я уважаю афроамериканских женщин, так это за их прямоту. Они не ходят вокруг да около, как их белые коллеги, измученные политкорректностью. Поэтому я хоть и напрягся слегка, но не обиделся и дал ей высказаться.

— Ты возил недавно даму на осмотр однокомнатной? — спросила Сесилия тоном опытного следователя.

Я только что показывал престарелой миссис Питинголо комплекс новых домов, могущих ее заинтересовать. Божий одуванчик с седыми кудряшками, трясущимися как игрушки на новогодней елке, всю дорогу развлекала меня рассказами о своей семье, пока я возил ее на своей машине из одной съемной квартиры в другую. Под конец поездки она долго прощалась, называя меня «Mister Nice Guy».

— Возил, возил,— утвердительно продолжала Сесилия.— Да еще усадил на пассажирское место рядом с собой, а не на заднее. Как положено по инструкции.

— Какой инструкции? — выдохнул я, вспоминая про седые трясущиеся кудряшки. Терпеливо, как с недоразвитым ребенком, моя коллега продолжала укоризненно качать головой.

— А что случится, если она скажет, что ты к ней приставал? — не отставала Сесилия.

— К кому? — продолжал тупить я, не в силах забыть про качающиеся на елке новогодние игрушки.

— У нас клиенты разные бывают,— зловеще и даже с некоторым осуждением сказала Сесилия.— В прошлом году Джона из-за этого как раз и попросили.

Мои милые американцы! Придумавшие такое невинное развлечение на работе, как «сексуальное домогательство» (sexual harassment — К.Е), согласно которому, коллегу или клиента противоположного пола нельзя было не то что тронуть пальцем, но и даже посмотреть неподобающе в ее сторону.

Сколько карьер было разбито на этой почве! А сколько судебных процессов с неустойкой проведено и еще предстоит!

Видя мое недоумение, переходящее в стыд, как будто я действительно держал в голове черные мысли насчет несчастной госпожи Питинголо, Сесилия смягчила свой гнев на милость:

— Я тебе просто хочу помочь, как нельзя делать. Для твоей же пользы. Мы все здесь как-бы friends и должны помогать друг другу. Так что впредь сажай клиентов

только на заднее сиденье и в одиночку пустые квартиры не показывай! Хоть меня позви!

Заверив Сесилию, что мы с ней очень даже cool, я подумал, снимая опостылевший за день галстук, о том, как нелегко все-таки зарабатывать свой хлеб. Даже здесь, на цветущих нивах капитализма!

V

Наконец, после месяцев проб и ошибок, зерна моих первых трудовых достижений в виде резюме, составленных аккуратной Мелбой, проросли-таки наружу.

И в один прекрасный вечер мне позвонили и предложили постоянную работу. Там, где я проработал больше полугода! Как когда-то в школьных начальных классах, дружить с девчонкой больше месяца считалось очень долгим периодом. А уж пары, «ходящие» по полгода, вообще просто-таки обязаны были после выпускного бала пожениться!

Уже стало казаться мне, что моя американская мечта очень скоро воплотится в новый дом, машину и внушительный счет в банке. Хотя предлагали всего лишь место русскоязычного телефонного оператора в только что созданной компании «Звездные технологии» или коротко «Startec».

Находилось, правда, это «звездное» местечко неблизко, в соседнем графстве, что примерно в часе езды на машине. Да и платили всего восемь долларов в час, что лишь немного больше минимальной заработной платы. Зато можно было бесплатно позвонить раз в неделю друзьям или родственникам куда-нибудь в Алма-Ату.

Работа была отчасти на русском языке и постоянная. Суть ее заключалась в телефонном соединении иммигрантов из бывшего Союза, живущих в США, с их родственниками из Украины, России, Казахстана и других республик. За довольно смешную цену: что-то около семидесяти центов в минуту.

Работал я по сменам, в дневную и вечернюю, примерно часов шесть-семь в день. Приходилось иногда возвращаться за полночь. И даже однажды выйти на работу рано утром после новогодней ночи.

Компьютерные программы, используемые нашей компанией для короткого воссоединения родственников по обе стороны океана, были достаточно просты. Звонят тебе, скажем, наши клиенты из Нью-Йорка и дают телефон в Киеве или Москве.

Ты набираешь искомый номер, нажимаешь клавишу в компьютере и — вперед! При желании, мы могли, используя технику, слушать то, о чем наши абоненты разговаривают. Но нужды в том не было, да и клиенты поджимали непрерывными звонками.

В свою очередь, наше начальство постоянно слушало нас, операторов, проверяя достаточно ли вежливо и профессионально мы разговариваем с клиентами. И не только русскоязычных телефонистов, но и работавших в компании китайцев, корейцев, индусов, арабов и других. Кстати и сам «Startec» основали выходцы из Индии, чей офис располагался прямо за нашими спинами.

Быть постоянно вежливыми с клиентами было нелегко. При помехах соединения или обрыве разговора, клиенты всегда обвиняли нас, сидящих в одной комнате операторов. Как будто мы специально им связь через океан оборвали.

— Зажрались, дармоеды! — кричал из трубки пожилой дед из Филадельфии, — Туалеты тебе надо мыть, а не по телефону говорить! Дерьмо из унитазов отдраивать!

Тут трубку перехватила его супруга, более вежливая и понятливая пожилая дама, которой я пытался объяснить причину неполадки. Но еще долго несло с заднего фона, вклиниваясь в разговор:

— Туалеты! Унитазы! Дармоеды!

Обслуживали мы и англоязычных клиентов тоже, из Америки во все части света. Так что доводилось слушать оскорбления и на английском языке.

Однажды я объяснял одному типу из Нью-Джерси причину, по которой мы не имеем связи с Марокко. Недослушав, он вдруг начал обвинять меня в том, что я слишком грубо с ним разговариваю.

— Компания работала бы лучше, не будь ты такой дыркой в з...днице,— бросил он.

— Сэр, кто из нас сейчас кому грубит? — вежливо, как мог, спросил я, раздраемый внутренней злобой, но крепко сдерживаемый трудовым контрактом.

К тому же было трудно забыть, что менеджеры, затаив дыхание, слушают меня сейчас на своей линии.

Удивительно, что, когда связь между Америкой и другими странами работала нормально, клиенты воспринимали это как должное. И очень редко нас, телефонистов и операторов, благодарили.

Однако, стоило случиться малейшей неполадке, то громы небесные метались на наши бедные головы. В результате стрессов и довольно малой за это компенсации уволились в конце месяца сразу несколько русскоговорящих девчонок. На их место пришли молодые люди и девушки, родившиеся здесь, в США, в семьях иммигрантов из бывшего Союза.

Было им немного больше восемнадцати лет, с компьютером они были на «ты», водили новые, а не подержанные, как у меня, блестящие автомобили и легко перепрыгивали в речи с русского на английский. По разговорам и повадкам напоминали они местных «мажоров» и представляли собой поколение «двухтысячников» (millennials,— К.Е.) в наступающем двадцать первом веке.

По-английски они говорили чисто, без акцента, в отличие от меня и других работающих в компании недавних переселенцев.

Еще они ввели в обращение смешанный англо-русский слэнг, типа глаголов «юзать» (использовать,— К.Е.), «сэйфовать» (спасать, сохранять,— К.Е.) и тому подобное. Слышал я от них и фразы по телефону типа:

— Ну мы Вам договор пришлем, а Вы его посайнуйте (от слова «sign» — подписывать.— К.Е) и все going to be ОК.

И самое смешное, их на том конце телефона прекрасно понимали!

Так вот, к тому времени, когда пришла эта смешанно-говорящая русско-американская молодежь, я оставался одним из последних «ветеранов». Хотя и проработал всего полгода. Объявили вакансию на место менеджера по залу, куда входила наша группа телефонистов. Это означало возможность повышения зарплаты, хотя работы стало бы больше. Подумав и решив, что на место могу претендовать, я подал свою заявку.

Через неделю стало известно, что менеджером зала назначили индуса, который, кстати, проработал в компании меньше моего. Работать за небольшую плату в любое время суток после этого мне уже не улыбалось.

Получившему недавно американское гражданство, мне в скором будущем открывались новые перспективы. И хотя я из телефонной компании вскоре ушел, но переqualificироваться в управдомы уже не было нужды.